

В конце концов А-Да поднял его на руки и отнёс к себе домой.

Горячая вода уже была приготовлена, и, когда А-Да опустил брата Цуна в ванну, острая боль от ссадин заставила его крепко обхватить А-Да.

Его раны были поверхностными, а поверхностная боль самая чувствительная, и, как только вода коснулась их, он почувствовал, будто его обожгли или ударили током.

А-Да попросил всех выйти и продолжал говорить брату Цуну на ухо.

Он сказал, что будет опускать его медленно, чтобы он мог помыться, иначе раны заразятся. Он успокаивал его, говоря, что вода горячая, всё в порядке, и что он сам сначала опустит руку.

Так, постепенно, шаг за шагом, брат Цун наконец сел в ванну.

Ванна была настолько большой, что он мог бы спать на её дне. Слезы текли из его глаз, словно тающий снег, он хотел говорить, но только рыдал.

А-Да тоже разделся и вошёл в ванну, мягкой тряпкой вытирая кровь и грязь с тела брата Цуна.

Брат Цун не мог понять, о чём думал в тот момент, но, когда А-Да закончил мыть его и собирался выйти из ванны, он обнял его. Он прижал голову к шее А-Да, сжав кулаки на его спине.

Он хотел сказать: «Прости, прости, прости». Он не знал, что всё так обернётся, действительно не знал.

Но, открыв рот, он почувствовал, как горячий пар застрял в горле. Он сделал несколько вдохов, и в конце концов этот пар превратился в жидкость, смачивая его лицо ещё больше.

А-Да на мгновение замер, но затем расслабился, поднял руку и мягко похлопал брата Цуна по спине.

А-Да вытер брата Цуна, нанёс лекарство и уложил его в постель, но на этот раз он не ушёл в свою кровать.

Он соединил их одеяла вместе, просунул руку под шею брата Цуна, притянул его ближе к себе, и брат Цун не сопротивлялся.

Брат Цун заснул, и на этот раз ему не снились сны. Впервые он почувствовал, что объятия А-Да такие тёплые, широкие и реальные.

Будь то мужчины или женщины, брат Цун больше всего контактировал с другими лишь в школе, когда держал за руку девушку и поцеловал её в щеку.

Он чувствовал жар во всём теле, сердце бешено колотилось. Он не знал, была ли это обычная утренняя реакция или результат того, что А-Да вызвал в нём.

Прошло некоторое время, и, когда А-Да оделся, он снова подошёл к брату Цуну.

Он откинул край одеяла, взял цепь и потянул её к щиколотке брата Цуна.

Кандалы, которые не надели накануне вечером по недосмотру, теперь должны были вернуться на место. Но щиколотка брата Цуна немного остыла на холодном воздухе, и её снова убрали

под одеяло.

Затем А-Да собрал цепь и отбросил её в сторону.

Это был первый раз, когда брата Цуна не заковали в кандалы. Он повернулся и резко посмотрел на А-Да.

А-Да сказал:

— Сейчас принесут тебе лекарство и еду, ты не выходи.

Брат Цун кивнул:

— Я понял.

А-Да сделал два шага, затем вернулся и добавил:

— Сегодня весь день не выходи из дома, меня не будет в деревне, если моя сестра поймает тебя, я не смогу помочь.

Брат Цун снова кивнул:

— Хорошо.

А-Да подумал, что ещё нужно сказать, и, убедившись, что всё в порядке, взял саблю и вышел.

А-Да направлялся в Дунлин, брат Цун знал это. А-Да собирался планировать атаку на западную линию обороны, брат Цун тоже знал это.

Но он не знал, стоит ли говорить об этом А-Яню, и должен ли он воспользоваться отсутствием цепей, чтобы рискнуть сбежать, или просто сидеть здесь и ждать возвращения А-Да.

Но, к сожалению, брат Цун не встретил А-Яня.

Потому что А-Янь всё ещё лежал в постели, на этот раз он даже не мог выйти за порог.

Он сопротивлялся этому, он думал, что раньше мог свободно ходить, потом ему запретили выходить за пределы заднего двора, а теперь даже из дома не выпускают, это было угнетение.

Ворон сказал:

— Тогда выходи, выходи, не спи на моей кровати, валяйся в своей соломе.

Услышав это, А-Янь заколебался.

На самом деле, в ту ночь, когда пришёл А-Да, он действительно думал, что будет спать в соломе, ведь после того, как раздали одеяла и лепёшки, его просто схватил Ворон, который, видимо, был чем-то раздражён, и, не говоря ни слова, заковал в кандалы.

Он с обидой спросил:

— Что я сделал не так?

Ворон не ответил, обмотал ноги дважды, затем, не доверяя, заковал и руки.

А-Янь ещё больше обиделся:

— Я больше не буду бродить, не буду воровать твоих червей, не бей меня зайцами, не заковывай, хорошо?

— Не хорошо, — сказал Ворон, ударив его ногой по заднице и заставив отодвинуться в солому.

После последнего отчаянного сопротивления Ворон стал к нему относиться лучше. Хотя всё ещё часто пинал, ругал и называл его «девчонкой», но, по крайней мере, не швырял на кровать.

Ворон сделал ему подстилку в комнате, теплее, и она находилась так, что, проснувшись, он мог дотянуться до неё ногой.

А-Яню было некомфортно, он спал на подстилке два дня, и, хотя становилось всё холоднее, возвращаться в солому ему уже не хотелось.

Солома колола его задницу, и запах смешивался с экскрементами мелких животных, не говоря уже о том, что посреди ночи он часто просыпался от холода, и его обоняние замерзло, он ничего не чувствовал.

А-Янь не знал, было ли это из-за того, что он часто убегал искать брата Цуна, что раздражало Ворона, но сегодня его снова заковали, как скот, и выбросили на улицу.

Убедившись, что всё надёжно закреплено, Ворон встал, хлопнул в ладоши и сказал, что скоро придёт А-Да.

— Не шуми, не жалуйся, не плачь, если с А-Да ничего не случится, когда он уйдёт, я отпущу тебя.

А-Янь немного успокоился, эти слова хотя бы означали, что сегодня вечером у него есть шанс вернуться в дом. Главное — молчать и вести себя так, будто его нет.

Но А-Янь не мог не волноваться, холод был не главным, но почему придёт А-Да и что он сделает с ним.

Он знал, что резня в деревне неизбежна, в лагере он слышал подобные слухи, но это были лишь слухи, которые могли быть преувеличены, и он не мог задавать лишних вопросов.

К тому же, это было не то, о чём можно было говорить открыто, потому что это означало бы признать, что войска делают что-то неправильное. Но за все эти годы войны они всегда говорили, что действуют ради блага людей Кушань, поэтому некоторые вещи знали, но не говорили вслух.

А сейчас ситуация ясно показывала ему — это не лагерь, и, независимо от того, стрелял ли А-Янь хоть раз или убил ли кого-то, пока он носил эту форму, он был таким же, как те убийцы снаружи.

А-Да пришёл, А-Янь не посмел заговорить или посмотреть на него, и только после того, как А-Да и Ворон поговорили внутри, а он сам уже замёрз, А-Да вышел.

Когда он вышел, А-Янь уже съёжился от холода, он не разобрал, что А-Да сказал у двери, только понял, что, когда А-Да ушёл, Ворон подошёл и снял с него кандалы.

Ворон подтолкнул его:

— Иди, в доме теплее.

Но А-Янь попытался встать, он замёрз настолько, что двигаться было трудно. Зима в Кушане была смертельной, кроме холода, она могла заморозить кости.

Колени А-Яня болели, он с трудом встал, сделал несколько шагов, но пальцы ног потеряли чувствительность.

Ворон просто поддержал его, помог войти, закрыл дверь и поставил на стол горячее вино, сказав, чтобы он пил быстрее.

А-Янь, всхлипывая, выпил несколько глотков и наконец почувствовал, что тело снова стало его.

— Сегодня нельзя спать на полу, холод поднимается снизу, ты, маленькая девчонка, не выдержишь, спи в кровати, — сказал Ворон, доставая из шкафа одеяло и бросая его на кровать.

А-Янь боялся спать с Вороном, хотя знал, что, если Ворон настаивает, он ничего не сможет сделать, но всё же хотел сопротивляться.

Однако Ворон не дал ему шанса, как только уложил одеяло, он велел ему идти мыться.

Дом Ворона отличался от дома А-Да, здесь не было человека, который принёс бы большую ванну, нужно было выходить из главной комнаты в специальное место для мытья.

А-Янь уже знал, как нагреть воду, но, думая о том, что будет после мытья, он не двигался с места.

Ворон сказал:

— Что, не пойдёшь? Тогда я пойду, позже будет холоднее.

А-Янь не мог спорить, взял свой халат и, нерешительно, вышел. Он мылся долго, нагрел воду, сел в горячую ванну и сидел, пока вода не остыла, и тело не начало слегка зябнуть.

[Здесь пропуск]

<http://bllate.org/book/16300/1470211>